

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor
Miguel Kireeff

Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sabado 12 de febrero de 1983

Буэнос Айрес, суббота 12 февраля 1983

N° 1699

ОТ

ГЛАВЫ

РОССИЙСКОГО

ИМПЕРАТОР-

СКОГО

ДОМА

Поздравляю всех соотечественников, на Родине и в рассеянии, с великим праздником Рождества Христова и с Новым 1983-м Годом. В рождественские дни, встретив этот великий праздник в тихой молитве и мире душевном, мы готовимся к наступающему Новому Году, помышляем о том, что он нам может принести и насколько он может приблизить исполнение наших надежд, и обычно оглядываемся на истекающий год и на происшедшие в нем события.

К концу 1982 года произошло важное для нашей Родины событие: смена руководства Коммунистической Партии Советского Союза, все еще держащей наших соотечественников в порабощении. Как и можно было ожидать, приход ко власти человека, который, всего несколько месяцев до этого, стоял во главе Комитета Государственной Безопасности, вызвал во всем мире немало комментариев. Сдержанно отозвались некоторые главы государств и правительства, а обозреватели иностранной печати, радио и телевидения попытались, из тех немногих и довольно трафаретных заявлений, которые были сделаны после смерти Брежнева самим Андроповым и другими советскими деятелями, сделать выводы о возможных переменах в курсе советской внешней и внутренней политики.

Я не собираюсь участвовать в этих гаданиях, которые, помимо других соображений, сейчас не могут не быть преждевременными. Смена руководства компартии, однако, дает мне еще раз возможность высказать несколько мыслей о характере компартии как таковой, об отношении к ней наших закабаленных соотечественников на Родине и о том, какое отношение должны мы, русские люди проживающие на свободе, иметь к происходящим событиям. Мы можем эти мысли высказать лучше и полнее чем мы могли это сделать двадцать, сорок или пятьдесят лет тому назад не потому, что в советской власти произошли какие либо коренные изменения, а потому, что за эти долгие годы мы смогли накопить некоторый опыт, который расширяет наш кругозор при учете имеющихся возможностей и определении совершенных в прошлом ошибок.

Советская власть, возглавляемая компартией, сегодня в конечном итоге преследует те же цели, каковые она преследовала с момента своего зарождения: неограниченное владычество компартии внутри страны; построение в стране социалистической экономики с коллективизированным сельским хозяйством; внедрение в обществе материалистического мировоззрения; торжество коммунизма во всем мире. Если задать сегодня члену компартии прямой вопрос, преследует ли сегодня эти цели его партия и руководимое ею советское правительство, его ответ может быть и вероятно будет уклончивым, но отрицательным он быть не может. За последние 65 лет, в связи с происшедшими во всем мире и внутри страны событиями, имели иногда место уступки и тактические отступления, но они всегда держались в определенных рамках и всегда сохранялась возможность перейти вновь в наступление. Если бы завтра какой нибудь советский государственный деятель упразднил колхозы, отошел бы от насильственного насаждения атеизма, а во внешней политике прекратил бы поддержку подрывных действий революционных и террористических организаций в других странах, это была бы уже не эволюция, а революция. От компартии как мы ее сегодня знаем, ничего бы не осталось. И ее руководители это прекрасно понимают.

За все время пребывания компартии у власти в России ее владычество для большинства населения, главным образом крестьянства, было всегда ненавистным и о правительстве никогда не говорили “мы”, а всегда “они”. Но одно время было, конечно, довольно значительное меньшинство людей, на которых усиленная пропаганда возымела свое влияние и которые готовы были верить в светлое будущее победившего коммунизма. Именно здесь за последние годы произошла большая перемена. “Энтузиастов” коммунизма сегодня больше нет. Компартию сейчас поддерживают карьеристы и некоторые обыватели, которым удалось улучшить свое материальное положение. В случае обострения кризиса и те ни другие надежные опоры собою не представляют.

Перехожу сейчас к вопросам, непосредственно касающимся нас, русских людей, проживающих на свободе за рубежом, и начну с одной ошибочной установки, оказавшей отрицательное влияние на политическую жизнь эмиграции сразу после неудачного исхода гражданской войны. Я говорю об установке “непредрешенчества”, утверждающей, что для успешной борьбы с коммунизмом и привлечения к ней всех антикоммунистических сил, следует не поднимать вопроса о будущей форме верховной власти в России.

Эта позиция породила целый ряд недоразумений. Во-первых, ни к какому объединению антикоммунистических сил она не привела. Республиканцы, эсеры и другие социалисты продолжали “предрешать” будущую форму верховной власти в России. А сами непредрешенцы налагали запрет только на вопрос о форме верховной власти, но считали себя в праве “предрешать” вопросы тактики, вопросы о том, какую форму свержения советской власти следует поддерживать и какую необходимо осуждать. Одни считали, что свергнуть советскую власть можно только с помощью иностранной интервенции. Другие считали такую установку “пораженческой” и делали ставку на народное восстание или на свержение советской власти советскими же войсками, или искали исхода в дворцовом перевороте. Все эти ставки делались, в разных странах, и во время Второй мировой войны и тогда казалось, что одна из них должна стать выигрышной. Все, однако, оказались разочарованными и Сталин, вопреки ожиданиям, остался у власти.

Те же споры продолжаются в эмиграции и поныне. Постараемся рассеять некоторые возникшие недоразумения. Во-первых, неправильно считать, что совместные усилия антикоммунистических сил возможны только при условии, что все участвующие в них группы откажутся от открытого высказывания своих политических убеждений. История полна примеров таких совместных действий различных групп, борющихся с открытым забралом. Притом ни одна из этих групп не могла “предрешить” успеха своей политической программы. Каждая из них, однако, считала, что ее участие в совместном действии с другими группами создаст условия, при которых этот успех станет возможным.

Во-вторых, нет никакого основания считать, что перед силами, борющимися за освобождение нашей Родины, предстанет выбор между путями его достижения: между иностранной помощью, народным восстанием, свержением власти советской армией или дворцовым переворотом. Может возникнуть одна из этих возможностей, и этой возможностью, которую мы сейчас предвидеть не можем, мы должны быть готовы воспользоваться.

Обратимся к примерам прошлого. Начнем с нашего Смутного Времени. Тогда Скопин-Шуйский искал помощи шведов, некоторые бояре стояли за призвание на царство польского королевича Владислава, а кончилось все народным освободительным движением и призывом на царство юного Михаила Феодоровича Романова. Перейдем к другим странам. Недолго после завершения нашего Смутного Времени началась в Англии борьба короля Карла 1-го с восставшими против него парламентариями, закончившаяся казнью короля и приходом ко власти республиканцев. В течение этой борьбы против парламентариев воевали, помимо самих англичан, шотландцы, ирландцы и наемники из Германии, а 11 лет после казни короля монархия была восстановлена республиканским генералом Монком. К концу следующего 18-го столетия разразилась французская революция. Тут опять мы видим и интервенцию, и местные восстания, и установление нового типа монархии — империи Наполеона, и восстановление традиционной французской монархии с иностранной помощью, а также и с помощью некоторых французских государственных деятелей, служивших при всех чередовавшихся до этого времени режимах. Одним из последних был Фуше, в свое время яростный якобинец и безбожник, голосовавший за казнь Людовика 16-го, министр полиции Первой Республики зверски подавивший восстание против республики в Лионе, ставший опять министром полиции

при Наполеоне, от которого он получил титул герцога Отрантского, и наконец прослуживший некоторое время министром полиции при восстановленном на престоле Людовике 18-ом.

Эти примеры из прошлой истории показывают нам, как трудно предугадать возможное развитие событий и как пагубна может быть ставка на одну лишь вариацию этого развития, без учета других возможных. Это отнюдь не означает, что мы должны наблюдать за ходом этих событий в стороне, не принимая в них участия. Наш долг всегда быть готовыми к той минуте, когда возникнет реальная возможность воспользоваться возникшей обстановкой для достижения нашей цели.

Эта возможность может возникнуть скорее чем мы думаем. Возникает вопрос: может ли вновь повториться, по инерции, обычный ход событий при перемене руководства компартии — сперва утверждение необходимости "коллективного руководства", а потом возникновение нового "культа личности". Кризис, экономический и моральный, в Советском Союзе сейчас достиг несравнимо больших размеров, чем это было при прежних переменах руководства и весьма возможно, что новое руководство будет искать новые рецепты. При углублении кризиса, однако, станет все более очевидным, что исцеление в России явз коммунистического хозяйства коммунистическими путями становится невозможным. Исход событий сужается к трем возможностям: к войне, быть может мировой; к торжеству коммунизма вне России, быть может в мировом масштабе; или к свержению в России, в той или иной форме и теми или иными силами, коммунистического владычества.

В начале 1952 года, когда тучи угрожающей новой мировой войной сгущались на горизонте, я обратился к ответственным государственным деятелям и общественному мнению стран свободного мира. Я указал им на роковую ошибочность отождествления Советского Союза и политических целей коммунизма с Россией и ее государственными целями, и заявил, что русский народ, продолжающий страдать под советским режимом уже стоившим России десятков миллионов человеческих жизней, станет решающим фактором в борьбе с коммунизмом. Но я напомнил, что, после горького опыта как гражданской войны так и Второй мировой, русский народ будет неизбежно относиться к иностранцам и их обещаниям с понятной подозрительностью, и что его доверие можно снискать только дав доказательства, что западные державы борются не против России, а только против коммунизма.

Это мое Обращение было издано 30 лет тому назад. С тех пор угроза войны то убывала, то вновь обострялась. За последнее время в отношении западной общественности к положению в Советском Союзе, к страданиям и чаяниям русского народа и к его роли в борьбе с коммунизмом произошло некоторое просветление. Крупным событием было открытие в Лондоне в марте 1982 года памятника жертвам Ялты — в их числе власовцам, казакам и другим добровольцам бесчеловечно выданным Советам западными союзниками. Можно только надеяться, что это просветление будет расширяться. Я рад отметить, что активная помощь в этом была уже оказана некоторыми верными мне соотечественниками.

К сожалению в выступлениях других представителей западной общественности, иногда высокопоставленных, продолжают звучать ноты русофобии, проведение знака равенства между коммунизмом и Россией, призывы к расчленению Государства Российского и даже к физическому истреблению "великорусского" народа. Как это ни печально, и такие выступления находят поддержку в некоторых кругах эмиграции.

Я только что дал два примера участия эмигрантов в развитии иностранного общественного мнения, один положительный, другой отрицательный. Полезно подвести некоторые итоги тем возможностям, которыми эмиграция располагает. Эмиграция — это немалочисленная часть русского народа и других народов нашей страны, проживающая на свободе вне оков Советского Союза и имеющая возможность свободно и во всеуслышание выражать чаяния наших подъяремных соотечественников. В ней находится центр, иерархия и клир Русской Православной Церкви Заграницей, иерархия и клир других православных юрисдикций, организации других вероисповеданий народов нашей страны. В ней находится возглавляемый мною Российский Императорский Дом и верные мне политические, военные и другие организации; а также и другие политические организации, как русского так и других народов нашей страны. В ней представлены разные поколения нашего народа, включая людей, разного возраста, хорошо знакомых с нашей историей и культурой, хранителей достояния нашего великого прошлого, к которому с такою жаждой стремятся на Родине люди, раскусившие ложь советских фальсификаторов. Все это представляет собою значительную силу.

В эмигрантской среде могут иметь место события, которым суждено оказать неограниченное влияние на будущее нашего народа. Таким событием было состоявшееся в Нью Йорке в октябре 1981 года прославление Русской Православной Церковью Заграницей Российских Новомучеников, во главе с мученически убиенной Царской семьей. Во время приготовления к этому акту отношение к нему среди русских православных людей было неодинаковым. Голоса из России горячо его поддерживали и считали, что прославление Новомучеников сделает возможным и действенным то всенародное покаяние, которое должно быть принесено за злодеяния революции. В эмиграции же в некоторых кругах выражались сомнения в своевременности этого акта. Высказывались мнения, что такой акт должен быть совершен уже на родной земле, и опасения, что прославление не будет признано другими автокефальными Православными Церквями. Опровержения этого опасения пришлось ждать недолго: в исключительной по своему духовному содержанию обстановке, прославление было признано древней Иерусалимской Церковью. За этим последовали индивидуальные признания иерархов, клириков и мирян других автокефальных церквей, и можно быть уверенным, что это пойдет дальше и дальше. Этот акт приобретает особое значение в эти годы, когда мы готовимся к празднованию тысячелетия Крещения Руси.

В моем Обращении к соотечественникам, изданном в 1976 году, я упомянул о прежних неудачных попытках объединить эмиграцию и высказал мысль, что, прежде чем искать объединения эмиграции, нужно сперва добиться ее оздоровления, начав с отвержения всех типов полемики, не соответствующих простой человеческой порядочности. В том же Обращении я заявил, что, отнюдь не отступая от всем известных позиций, которые я занимаю как Глава Российского Императорского Дома, я готов установить контакт с любыми соотечественниками, независимо от их политических установок, национальной принадлежности, вероисповедания и религиозных взглядов, если они стремятся к освобождению нашей Родины от владычества компартии и ее ложной идеологии. Такому почину я всегда готов оказать поддержку. Я рад отметить, что некоторый успех в этой области уже достигнут, но достичь, конечно, можно и нужно гораздо большего. А при достижении большего, неизмеримо увеличится возможность той помощи, которую, живя на свободе, мы сможем оказать национальному и духовному возрождению внутри России, и та роль, которую мы сможем играть в происходящих событиях.

Продолжающиеся распри в эмиграции наносят большой вред успеху нашего дела. Они имеют меньше влияния на связь эмиграции с происходящим в России возрождением, чем на роль, которую эмиграция может играть в сношениях со внешним миром. Связи с возрождением внутри России поддерживаются отдельными группами эмиграции и проводятся через различные русла, каждое из которых стоит вдали от растлевающего влияния эмигрантских междоусобиц. Сношения же с иностранным общественным мнением тормозятся этими междоусобицами, так как они у всех на виду. Я уже говорил, что мы не можем предвидеть возможного развития событий. Что хуже это то, что на это развитие мы не можем влиять. Полезное влияние иногда оказывается эмигрантами в индивидуальном порядке. Вредное влияние оказывается враждебно настроенными группами эмигрантов, взгляды которых совпадают с взглядами иностранных русофобов. Здоровая же часть эмиграции пока может оказать очень мало влияния, именно потому что она разрозненна и что в ее среде тоже происходят распри, совершенно бессмысленные и часто основанные на фантазиях.

Я не собираюсь обращаться с призывом совместных действий к людям, преследующим чуждые мне цели. Но я вновь обращаюсь с таким призывом к тем моим соотечественникам, которые преследуют те же первоначальные цели как и я. Я повторю эти цели: освобождение нашей Родины от владычества компартии и ее ложной идеологии; предоставление Православной Церкви всех возможностей исполнения Ее апостольского служения; предоставление всем другим вероисповеданиям полной веротерпимости и возможности беспрепятственно обслуживать духовные потребности их пасты; предоставление полной свободы мысли и культурного творчества; предоставление всем работающим в промышленном и сельскохозяйственном труде свободы действия, свободы собственности на средства производства и на обрабатываемую землю и законного вознаграждения за их труд; достижение добрососедских отношений с иностранными державами и прекращение всех подрывных действий на их территориях.

Я уверен, что на этих основах можно выработать планы совместных действий всех здравых сил эмиграции и, добившись этого, можно ожидать, что увеличится то влияние, которое эмиграция сможет оказать на ход событий и тем самым ускорить освобождение нашей Родины. Всем моим будущим сотрудникам в этом великом деле я желаю всего наилучшего в грядущем Новом Году.

Политический Калейдоскоп

Перемена правительства в Западной Германии в конце прошлого года сначала как-будто бы никаких больших политических изменений не вызвала. Но на деле это не так. Политические изменения уже давно происходили и накапливались под поверхностью, а теперь все больше всплывают наверх.

Во-первых, налицо немало персональных изменений в первых рядах западно-германской политики. После разрыва коалиции между социал-демократами и либералами, правившей Западной Германией с 1969 года, и восстановления коалиции между этими же либералами и христианскими демократами, как это было между 1949 и 1966 годами (между 1966 и 1969 годами Западной Германией правила так называемая "большая коалиция" христианских демократов и социал-демократов), перемены коснулись главным образом двух партий лопнувшей коалиции.

Среди либералов (которые в Западной Германии называются Свободной Демократической Партией) даже произошел своего рода раскол, так как более левая часть партии была против разрыва коалиции с социал-демократами. Среди этих последних тоже много перемен в первых рядах их партий. После отказа бывшего канцлера Шмидта снова выставлять свою кандидатуру, уже в январе этого года последовал подобный же отказ со стороны Герберта Венера, председателя социал-демократической фракции в Бундестаге (нижняя палата парламента). Венер, которому сейчас 76 лет, был в молодости коммунистом и участвовал в работе Коминтерна, но в 1942 году, находясь в Швеции, порвал с коммунизмом и стал социал-демократом. Он был фактическим автором "программы Бад-Годесберга", по которой германская социал-демократическая партия первой отказалась от марксистской классово-борьбы и признала частную собственность и свободное рыночное хозяйство. Он также был сторонником отказа от политики нейтралитета и стоял за тесное сотрудничество со входящими в НАТО странами.

Назначенные на 6 марта с. г. выборы в Западной Германии уже несут с собой не только перемены личного порядка среди ведущих западно-германских политиков, но и вызывают опасения — или надежды — и на более глубокие перемены в политических тенденциях и даже структурах.

Особенной загадкой является будущая роль в политическом спектре Западной Германии так называемых "зеленых" группировок, стоящих за подчинение политических и экономических программ необходимости спасения человечества от опасности истощения естественных ресурсов и от загрязнения и отравления самой природы, лихорадочной деятельностью человека в погоне за "прогрессом".

"Зеленов" движение особенно сильно в Западной Германии, и может оказать влияние на исход выборов в этой стране. Одним из его лозунгов является "экология важнее экономики".

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

(продолжение)

2.

По поводу же невмешательства Солженицына, у него встречаются такие строки (Солженицын отвечает на упрек Максимова после исключения последнего из Союза писателей): "А я не защищал и его, как остальных, все по тому же: разрешив себе заниматься историей революции и на том отпустив себе все прочие долги. И по сегодня: не стыжусь таких периодов смолкания: у художника нет другого выхода, если он не хочет испортиться в протекающем и исчезающем сегодня".^{10*} И другой отрывок из того же *Теленка* приходит на ум: под новый 1962 год Солженицын вез свой архив из Рязани в Москву, к Теушу. Вот как он описывает эту поездку: "Этот переезд я особенно запомнил потому, что в праздничной электричке какой-то ворвавшийся пьяный хулиган стал глумиться над пассажирами. И так получилось, что никто из мужчин не противодействовал ему: кто был стар, кто слишком осторожен. Естественно было вскочить мне — недалеко и сидел, и ряжка у меня была изрядная. Но стоял у наших ног заветный чемоданчик со всеми рукописями и я не смел: после драки неизбежно было потянуться в милицию, хотя бы свидетелем, с чемоданчиком ли, без — обоим рябое. Вполне была бы русская история, чтоб вот на таком хулигане оборвались бы мои хитрые нити. Итак, чтобы выполнить русский долг, надо было не русскую выдержку иметь".^{11*} Читал Зильберберг эту книгу, читал, да не понял: ведь это признание открывает самую суть дела. И Теуш: пишет о миссии писателя и ждет компрометирующих писателя встреч. Не мог Солженицын рисковать не только личной, но своей писательской, но русской судьбой из-за теушей и зильбербергов. Да и почему он должен вступаться за них? *Провал* произошел по их недосмотру и единственное, что Солженицын мог сделать, это убраться из всей этой истории. Да и чем он мог помочь? Кажется, Зильберберг все еще не осознал, что "дело Теуша" было в сущности и в первую очередь "делом против Солженицына". Открыто боялись взяться за Солженицына, искали обходных путей и, конечно, не мелкая сошка Теуш, а тем более, Зильберберг, их интересовали. Не за ними охотились: добивались до крупной добычи. И это вполне объясняет дальнейшее поведение Солженицына.

Да что собственно мог предпринять Солженицын? С западными корреспондентами он тогда не общался: "Я боялся, что начав отвечать западным корреспондентам, я и от советских получу вопросы, предопределяющие сразу либо бунт, либо унылую верноподданность. Не желая лгать, и не осмелив бунтовать, я предпочел — молчание".^{12*} Первое интервью (с Комоте Садзе) появилось 15 ноября 1966 года. На Западе оно не было замечено,

хотя Солженицын очень удачно определил положение японского журналиста: "Японский корреспондент (вроде и не криминальный западный), а вместе с тем вполне западный".^{13*}

Да к тому же Твардовский настаивал "чтобы я никому не говорил, что отобрали роман! (Это "В круге первом", принесенный Теушу).^{14*}

Помимо всего, Солженицын был занят другим: "Горе горю, а руками вой, — я занят был спасением главных рукописей и всего непопавшего, затем — предупреждением людей, чтобы перестали мне письма писать. Когда эти тяготы отпали, самое близкое и несомненное было сделано, — меня охватило то палящее и распирающее горе, с которого я начал эту главу. Я не знал, не понимал, как мне жить и что делать, и с большим трудом сосредотачивался поработать в день часа два-три".^{15*}

Вот чем был занят Солженицын, товарищ Зильберберг. Вы этого совершенно не понимали, так же как и трагедию изъятия архива для писателя. Зильберберг сам признается в этом с поражающей наивностью: только после прочтения в "Бодался теленок с дубом" о впечатлении, какое это произвело на Солженицына, он начал догадываться о размерах катастрофы. Всю глубину ее он, по-видимому так и не осознал до конца. Он был слишком поглощен "болью от несправедливой обиды" (стр. 101). Дальше он прямо обвиняет Солженицына в использовании друзей и доброжелателей. Так, он не раз говорил теушам "все, что думал о вас, о ваших поступках, об атмосфере, которую вы создали вокруг себя: о том как буквально и односторонне поняли вы слова о вашей миссии... о том, как самоотверженные услуги других принимались как должное, как почетное служение этой миссии; о трещине, которую дал ваш казавшийся цельным образ, и как все больше тускнел его лик, обращенный к своим, и как тем больший лоск наводился на тот, что был обращен вовне; о нетерпимости и диктате по отношению к другим, об игнорировании их интересов и даже отказе в помощи; о нашем манипулировании своими общественными выступлениями на манер предвыборных компаний; о несоответствии принципам христианской морали, которые вы исповедуете, поступков советского человека, которые вы совершаете" (101). Это, в сущности, целый обвинительный акт. Забавно, что Зильберберг проповедует Солженицыну христианскую мораль. Вот так знаток!

В мифе, который западная "прогрессивная" общественность создавала (пока он еще был там) сам Солженицын повинен меньше всего. Но "прогрессисты" всегда отличались слепотой и умением видеть то, что им хотелось видеть. Они рязали Солженицына в свои собственные одежды, не замечая (не желая замечать), что он не укладывается на их прокрустово ложе. Какое

же было удивление Запада, когда Солженицын, оказавшись на свободе, заговорил совсем не их языком, а, наоборот, выступил с критикой их же. "Он совсем не либерал" с удивлением заметили они. Для нас это было ясно уже давно, надо было только внимательно читать его произведения. Я очень ценю "общественные" выступления писателя, но лучше всего он открывает свои убеждения и говорит о нуждах нашей родины в своих художественных произведениях, в их незабываемых образах.

Что же касается "лика, обращенного вовне", т. е. к границе, то вот что о ней сказал Солженицын (будучи еще там): "Здесь употребляют слово "заграница" и с большим значением, с большой выразительностью, как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Может быть это и понятно тем, кто много творческого времени проводит в заграничных поездках и наводняет нашу литературу летучими заметками о загранице. Но мне это странно. Я никакой заграницы не видел, не знаю и жизненного времени у меня нет — узнать ее. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграницей, а не со своей страной, с ее живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу".^{16*}

Опускаю описание интриг, в частности касающихся книги о Солженицыне Бурга и Фейфера, книги поверхностной, конъюнктурной. Однако, Зильберберг к авторам благоволил. Но вот что интересно: на стр. 233 этой книги, авторы пишут: "Согласно рассказу, широко распространенному в московских литературных кругах, Солженицын так сильно переживал все это (допросы Теуша-Зильберберга), что он поспешил в КГБ и потребовал, чтобы его выслушали".^{17*}

Опускаю и всякие неблагоприятные для Солженицына истории, о которых с готовностью распространяется Зильберберг, потому что все это слухи, домыслы, а не факты.

Однако, даже Зильберберг не чужд изредка понимания тяжелого положения Солженицына. Вот он случайно видит писателя в метро. И тут он почувствовал в нем что-то совсем другое: "Мне вдруг ясно увиделась та ноша, которую вы несли все эти годы, та нелегкая миссия, которую вы взяли на себя и старались исполнить, почти каждодневно вступая в изматывающий бой, навязанный вам или вами. И таким вы показались мне одиноким в этой озабоченной московской толпе, которая не узнает вас, не может, да, вероятно, и не хочет знать, какую борьбу вы ведете своим пером — за них и для них, для их детей, для страны, для всех.

16* "Изложение заседания секретариата союза писателей СССР", 22 сентября 1967 г., "Дело Солженицына", Лондон, Онтарио, Канада, 1970, стр. 75

17* David Burg and George Feifer "Solzhenitsyn", N. Y., Stein and Day Publishers, 1972, p. 223

МЫСЛИ ВСЛУХ

Общим знаменателем учетверенной склонности социализма к уничтожению иерархии, религии, семьи и частной собственности является противоестественность каждой из этих четырех разрушительных тенденций. Если религия является естественной потребностью человеческого рода во всех его жизненных обстоятельствах, то семья, иерархия и собственность являются естественными потребностями не только человека, но и вообще большинства живых существ.

В природе нет равенства между живыми существами, также как нет правильных и совершенных геометрических фигур. Научные опыты подтвердили, что даже в искусственно собранных группах животных, немедленно и даже автоматически возникает известная иерархия. Например, в Австрии были проведены опыты, которые установили, что в группе двадцати коров согнанных с разных мест, уже через день устанавливается иерархия известного старшинства, так что каждая корова не только знает свое порядковое место в группе, но и порядковое место всех остальных коров.

"Нищие навсегда убил утопию социализма одним из своих молниеносных афоризмов: "Равным — равное, неравным — неравное". Впрочем это не более, чем перифраз слов 3-ей книги Ездры (7, 25): "Пустым — пустое, а полным — полное". Аристотель со своей стороны находил, что "нет большей несправедливости, чем равное обращение с неравными". Уравнительный принцип одинаково противоречит и закону природы, у которой нет нигде полного равенства, и требованиям нравственной правды и справедливости, стремящихся воздать каждому по его дарованиям и заслугам". (Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, Джорданвилль, 1948, стр. 301).

Между прочим, одно из классических определений справедливости так и гласит: дать каждому свое.

Что же касается слов Аристотеля, приводимых митрополитом Анастасием, то их можно дополнить словами другого философа: "Нет большего неравенства, чем равенства неравных". (Ортега и Гассет). Ортеге также принадлежит и заслуга, что он доказал несоответствие между словом "социализм" и идеей уравнения: это слово своим происхождением как раз подтверждает естественность неравенства в человеческом обществе.

И. А.

В том числе и для меня" (102). Ну, кажется все понял в минуту озарения. Но нет, он и дальше продолжает говорить о "сбалансированности" и сводит мелкие счеты.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

(продолжение следует)

10* "Бодался теленок с дубом", стр. 369

11* "Бодался теленок с дубом", стр. 42

12* "Бодался теленок с дубом", стр. 61

13* "Бодался теленок с дубом", стр. 164-165.

14* "Бодался теленок с дубом", стр. 121

15* "Бодался теленок с дубом", стр. 125

Петр Гергиевич Буль с семьей глубоко скорбят по поводу преждевременной кончины

ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ МАКОЧЕНКО

и выражают свое сердечное соболезнование дорогим
Александр Константиновичу, Лизе и Мише

Зарубежная Жизнь

АНТИКОММУНИСТЫ г. САН ПАУЛО ПРОСЫПАЮТСЯ

В городе Сан Пауло (Бразилия), уже годами не существует русской общественной жизни.

Но вот в январе 1982 года, группа русской молодежи из Сан Пауло, после неоднократных встреч с руководителями Организации Российских Юных Разведчиков из Аргентины, поехала в лагерь ОРЮР в Уругвае. После этого был создан сводный отряд ОРЮР имени князя Дмитрия Донского в городе Сан Пауло. А. А. Калинин был произведен в инструкторы и возглавил работу ОРЮР в Бразилии.

Все это звучит как хроника ОРЮР, но на самом деле тут начинается новая страница в жизни русской политической эмиграции в Бразилии. По намеченному плану начала развиваться не только разведческая работа со сборами, походами и т. д., но и общественно-политическая. На помощь местным силам был командирован из Буэнос-Айреса скаут-инструктор Иван Беликов, который сразу взялся за дело.

Сначала было шито и освещено знамя. Появился символ вокруг которого должны собраться русские патриоты.

Вслед за этим 7.11.82 г. был устроен День Непримиримости. На нем, кроме разведчиков, присутствовали члены Кадетского Объединения и чины Русского Корпуса. Собралось около 60 человек. После доклада А. А. Калинина был поставлен монтаж на тему гибели императора Александра Второго от рук предтеч большевиков. Когда во время монтажа был исполнен гимн Боже Царя храни, все присутствующие встали. После этого разведчики декламировали патриотические призывные стихи.

Первое политическое выступление молодежи в Сан Пауло, произвело большое впечатление на всех политических эмигрантов и взволновало и обеспокоило просоветские элементы или просто беженцев забывающих Россию.

Но неустанные разведчики на этом выступлении не остановились. Кипела работа. Победив все препятствия, 27.11.82 г. разведчики преподнесли русской общественности в Сан Пауло три миниатюры Чехова: "Предложение", "Юбилей" и "Медведь". Успех был полный: аплодисменты, крики "браво" — не смолкали. Публика прорвалась за кулисы, поздравляла, целовала и благодарилась.

Спектакль был в субботу после обеда. Вечером же разведчики в форме, в строю и со знаменем молились на всенощной, за что получили похвалу от отца настоятеля, который сказал: "Молодцы разведчики, всюду поспевают!"

Скаут-инструктор Иван Беликов блестяще исполнил возложенную на него задачу в Сан Пауло и полетел дальше в Венесуэлу помогать проводить лагерь тамашней Дружины ОРЮР "Москва".

После такой бурной деятельности началась подготовка к лагерю в Аргентине. 19.12.82 г. группа в 6 человек поехала на автобусе в Буэнос-Айрес (36 часов езды), чтобы принять участие в лагере "Ушкуйник" в Андах.

Интересно отметить, что в Венесуэле, Бразилии и Аргентине 27 ноября одновременно были выступления ОРЮР.

Л. Степанов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ГУБИТЕЛИ СВОБОДЫ

Нам пишут из Вены:

Выехавший из СССР под давлением КГБ в конце прошлого года московский поэт Юрий Михайлович Кублановский заявил, что в современном российском обществе наблюдается новый подход к осмыслению дореволюционной истории страны. Если еще для Александра Галича декабрист и народник — были чем-то "святым", неприкосновенным, то сейчас идет процесс расширяющегося "веховства". Из интеллигентских прописей прошлого века — подчеркнул 35-летний литератор, — понятие "освободительного движения" перекочевало сначала в коммунистические учебники, а оттуда — в диссидентское сознание. Иное дело теперь. "В том, что я сейчас скажу, для нас нет ничего "революционного" (или — "реакционного"): после 1861 года в России было ровно столько свободы (и уж не больше ли — в смысле демагогии?), сколько надо для нормального развития общества и нормальной свободной человеческой жизни — и предпринимательской и культурной. И в этом смысле представители русского "освободи-

тельного" движения: революционеры, атеисты-"просветители", террористы и прочие воспринимаются однозначно — ене зависимости от их личных достоинств — как безответственные губители русской свободы..."

Ю. М. Кублановский окончил в 1970 году искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. За написанное к двухлетию высылки А. И. Солженицына самиздатское открытое письмо был лишен работы. Перебивался церковным сторожем.

"ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ"

Нам пишут из Анкары:

В 65-ую годовщину большевистской революции трое подсоветских граждан захватили рейсовый пассажирский самолет, летевший из Новороссийска в Одессу и заставили его приземлиться на военной базе НАТО в Синопе (Турция). Во время захвата самолета на борту произошла схватка: летчик и двое пассажиров были ранены. Отважные беглецы попросили предоставить им политическое убежище в Западной Германии, но по сообщению турецкого министерства иностранных дел, они сейчас находятся в тюрьме в ожидании суда.

Между Турцией и СССР существует договор о выдаче "воздушных пиратов".

ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С 19-го февраля 1983-го года с № 1700-го, цена на "Нашу Страну" в Аргентине будет равняться 15.000 песо за номер. Цены на газету в остальных валютах не меняются.

Языковые Уродства

РОД СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Как будто, нигде не сформулировано общего правила для определения грамматического рода иностранных слов, вошедших в русский язык. Между тем, установить его не трудно, равно на основах логики и принятого употребления.

Существительные на — о и — е (и куда более редкие на — у или — ю) следуют образцу русских море, горе, поле, окно, сено, и получают средний род; если они относятся к предметам неодушевленным, либо абстрактным: пенсне, колье, пюре, бюро, пальто, пианино, какао, манто, сомбреро. В ту же категорию попадают и музыкальные или спортивные термины вроде фанданго, болеро, анданте, сальто морталя, а с ними и зловещий термин ауто да фе (который без серьезного основания пишут и в одно безобразное слово, аутодафе).

Иное дело, когда речь идет об именах лиц или названиях животных; они, нормально, имеют мужской род: импресарио, гаучо, даймио; кенгуру, какаду (а также и киви). Так у Гумилева мы находим, в монологе юной австралийки:

Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

Женский род, наоборот, будет у животных, чьи имена кончатся на — а или — я: пума, пантера, пирания.

Поэтому совсем неубедительны теперешние попытки, весьма упорные, советских грамматиков навязать мужской род словам кофе и кафе. На деле, в быту все говорят: вкусное кофе, сладкое кофе, желудовое (или ячменное) кофе. Так и в литературе; например, у Теффи, в "Воспоминаниях": "Дивное кофе". То же самое и с кафе или кафэ (как его не пиши). Вот зато кофей или кофий, те сразу приобретают мужской пол, становясь в одну серию с чаем. Подобно им, и западное слово кафе имеет обруселую аналогию в кофейня; но это последнее усвоило у нас оттенок чего-то специфически восточного: турецкая, греческая, арабская кофейня.

Аркадий Рахманов

Розыски

Соломон Заславский разыскивает Аду, по первому мужу Малкензон, выехавшую из Одессы в 1928 году в Буэнос-Айрес с тремя детьми, муж по дороге умер.

Лиц, знающих ее адрес, просят сообщить по адресу:

Solomon Zaslavsky, 6421 N. Richmond 2 E. Chicago, Ill. 60645. USA.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ПЕЧАТЬ

ДЕМОНЫ СЛЕВА

Поистине:

Où la vertu va-t-elle se nicher?
В № 10 "Синтаксиса" мы находим превосходную статью, подписанную De Visu и содержащую очень глубокий и умный анализ "Бесов" Достоевского, вовсе неожиданный на страницах этого мало симпатичного журнала.

Статья называется "Сбывшееся пророчество", а в тексте автор называет также роман: "пасквиль — пророчество".

Выпишем несколько наиболее ярких мест.

"То, что сделал Достоевский в "Бесах" не было ли выявлением глубинной, спрятанной, никому еще не ясной сущности движения, в котором в 60-е годы прошлого века честные люди встречались неизмеримо чаще "бесов"? Не содержали ли выведенные Достоевским монстры большую правду о явлении, чем голубые герои "Что делать?" Чернышевского?"

Далее, разбирая фигуру Шигалева, автор констатирует: "Образом Шигалева Достоевский... хочет сказать, что человек — это одно, а его убеждения — совсем другое, и если человек действует в соответствии со своими опасными убеждениями, то его деятельность не перестает быть вредной от того, что сам человек — добрый малый... Достоевский не ошибся, предвидя, что рано или поздно Россия придет к системе Шигалева. Важно, что автор "Бесов" сумел предпрещить "даже самые мелкие, так сказать кухонные подробности в будущем социальном устройстве". Как это ему удалось — загадка гения..."

Заключение статьи мы просто приведем целиком, полностью с ним соглашаясь:

"Необычный роман Достоевского, в художественной ценности которого готов был усомниться сам автор, а идеологию освистали все "передовые" тогдашней России и вся ее "сволочь", в последующие сто лет возвысился, словно новый Апокалипсис, возвестивший конец старого мира и приход нового, без нравственности, без красоты, без сложности.

При самом зарождении "новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей" проник Достоевский в сатанинскую сущность этого принципа и орлиным взором великого художника и мыслителя доглядел "кухонные подробности" будущего социального устройства, проросшего на почве этого принципа.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Достоевский первый сигнализировал человечеству об опасности, грозящей ему "слева". Увы, он не был Господом Богом, чтобы заставить бесов выйти из человека, вселить их в свиней и утопить последних в озере. Бесновавшийся не исцелился. Исцелится ли когданибудь? Кто знает?..."

В. Р.